

оригинальная статья

Признание под пыткой в уголовном судопроизводстве императорского Китая

Даньшин Александр Владимирович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0003-0107-8531>danschin.garant2013@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.05.2022. Принята после рецензирования 05.09.2022. Принята в печать 10.09.2022.

Аннотация: Цель статьи – выявить особенности института признания под пыткой в уголовном судопроизводстве императорского Китая. Предмет исследования – законодательство, а также официальные и неофициальные руководства для судей, в которых содержатся правила и анализируется практика применения пыток в процессе расследования уголовных преступлений. Особое внимание уделяется анализу уголовного кодекса династии Тан *Тан люй шу и* (Уголовные установления Тан с разъяснениями) 653 г., нормы которого относительно проведения допросов с применением пыток применялись без принципиальных изменений вплоть до крушения в 1912 г. последней китайской империи Цин. Автор считает, что широко распространенное мнение о преобладании инквизиционных начал в системе собирания доказательств по уголовным делам в императорском Китае сильно преувеличено: признание под пыткой никогда не являлось в Китае «царицей доказательств» (*regina probationum*). Пытки как средство получения признания хотя и допускались, но всегда считались вынужденной мерой и были нежелательными как по закону, так и с позиции конфуцианских представлений о гуманности и великодушии. При наличии схожих черт уголовного судопроизводства в императорском Китае с инквизиционным процессом его нельзя считать таковым, поскольку предпочтение всегда отдавалось признанию добровольному, а приговор можно было вынести и без признания, основываясь лишь на показаниях свидетелей и совокупности других доказательств. Несмотря на серьезные уголовные наказания за нарушения правил проведения пыток, злоупотребления ими в китайских судах были обычной практикой.

Ключевые слова: императорский Китай, уголовный процесс, признание под пыткой, кодекс династии Тан, руководства для судей, правила применения пыток

Цитирование: Даньшин А. В. Признание под пыткой в уголовном судопроизводстве императорского Китая. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2022. Т. 6. № 4. С. 349–358. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-4-349-358>

full article

Confession under Torture in the Criminal Proceedings of Imperial China

Alexander V. Danshin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0003-0107-8531>danschin.garant2013@yandex.ru

Received 24 May 2022. Accepted after peer review 5 Sep 2022. Accepted for publication 10 Sep 2022.

Abstract: The article describes the institution of confession under torture in the criminal proceedings of traditional China. The research featured legislative documents, also official and unofficial manuals for judges with torture rules and practice analysis. *Tang lü shu yi*, or Criminal Regulations of the Tan with Explanations, was a criminal code of the Tang dynasty which dated back to 653 AD. Its standards of extreme interrogation were applied without fundamental changes until the collapse of the Qing Empire in 1912. The author refutes the popular opinion that the method of enhanced interrogation prevailed in the system of evidence in criminal cases in imperial China. In fact, confession under torture was never the *regina probationum* of the Chinese criminal law. Torture was a legal means of obtaining a confession, but it was always considered a last resort. Moreover, extreme interrogation was undesirable from the standpoint of Confucian ideas about humanity and generosity. Chinese criminal proceedings have similar features to the inquisition proceedings might have had a lot in common with Spanish inquisitional processes, although it cannot be considered as such, since preference has always been given to voluntary confession, and the sentence could be passed without confession, based only on the testimony of witnesses and a set of other evidence. Violation of torture rules always caused severe criminal penalties; however, their abuse was a common practice in imperial Chinese courts.

Keywords: imperial China, criminal trial, confession under torture, code of the Tang dynasty, manuals for judges, torture rules

Citation: Danshin A. V. Confession under Torture in the Criminal Proceedings of Imperial China. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(4): 349–358. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-4-349-358>

Введение

Принято считать, что в императорском Китае (III в. до н. э. – начало XX в.) имелись все основные признаки инквизиционного процесса, а применение пыток с целью получения от подсудимого признания в инкриминируемом ему преступлении являлось обязательным элементом при судебном рассмотрении большинства уголовных дел. В то же время анализ доступных для изучения документов по истории государства и права Китая показывает, что это далеко не так.

В отличие от норм уголовного права, имеющих многовековую традицию их кодификации, процессуальных сборников в императорском Китае никогда не существовало. Поэтому о правилах проведения судебных заседаний, о принципах и методах расследования преступлений, в том числе о системе доказательств по уголовным делам, можно судить лишь по немногочисленным сведениям, содержащимся в древних летописях, отдельных императорских указах и правительственных распоряжениях, в официальных и неофициальных комментариях и рекомендациях по осуществлению государственными служащими своих судебных полномочий, а также в уголовных кодексах императорского Китая.

Первые сведения о системе доказательств в уголовном судопроизводстве императорского Китая

Самые ранние упоминания о процедуре проведении судебных заседаний встречаются в литературном памятнике *Чжоу ли* (Чжоуские ритуалы) XI в. до н. э.: «Допрашивая в суде и выясняя [у фигурантов дела¹], что же на самом деле произошло, [судейские чиновники] используют "пять наблюдений": первое – вслушивание в [то, как они дают] показания, второе – наблюдение за выражением их лица, третье – наблюдение за их дыханием, четвертое – наблюдение за тем, как они слушают, и пятое – наблюдение за их глазами»² [1, р. 54].

В местечке Шуйхуди (округ Юньмэн, провинция Хубэй) в 1975 г. при раскопках комплекса гробниц периода династии Цинь (221–207 гг. до н. э.) был обнаружен документ *Фэнчжэнь ши* (Закрытые образцы расследования), содержащий предназначенные для служебного пользования рекомендации по составлению чиновниками

отчетов о судебных заседаниях по уголовным делам: «Когда бы вы ни проводили допрос по уголовному делу, всегда сначала выслушайте и запишите то, что они говорят, причем каждый должен [отдельно] дать свои показания. Даже если вы знаете, что они лгут, не подвергайте сомнению их показания сразу. Если что-то осталось неясным после того, как показания были полностью записаны, только тогда задавайте вопросы. Опрашивайте их тщательно, заслушивая и полностью записывая объяснительные показания. Снова посмотрите на неясности и [повторно] задайте по ним вопросы» [1, р. 52].

Упоминание в документах устных показаний различных лиц в процессе выяснения фактических обстоятельств дела дает основание считать их важным звеном в системе доказательств Древнего Китая. Однако в империи Цинь были убеждены, что никакие свидетельские показания не могут обеспечить достижения основной цели судебного разбирательства – выявления истины, поскольку как обвиняемые, так и свидетели, исходя из природной, по убеждению циньских чиновников, склонности человека к обману, будут, как правило, лгать. Поэтому в соответствии с идеей обязательного следования в судебном процессе принципу *ли*³, обоснованной конфуцианским философом Сюнь Цзы (310–238 гг. до н. э.), судьям необходимо «добиваться искренности и исключить хитрость» со стороны всех фигурантов судебного процесса [1, р. 54, 57].

Единственный способ, позволяющий убедиться в искренности лиц, дающих показания, – это их чистосердечное признание, сделанное под пристальным взглядом судьи, владеющего навыками «пяти наблюдений». Если судья приходит к выводу, что допрашиваемые лица «продолжают лгать или меняют свои показания и не признаются», то *Фэнчжэнь ши* не только разрешает подвергать подозреваемых пытке, но и обязывает ее применять, подчеркивая, при этом: «Расследуя уголовное дело, необходимо записывать слова [подследственного] с тем, чтобы добиться правдивых показаний человека, не прибегая к побоям. Побой нежелательны. Если есть страх, вас ждет неудача» [2, р. 85]. Как следует из этого документа, пытки, с одной стороны, считались самым худшим способом получения признания, а с другой – их применение не только допускалось

¹ Здесь имеются в виду не только обвиняемые, но также обвинители и свидетели.

² Этот факт свидетельствует о том, что теория определения достоверности показаний преступника по его поведению существовала в Китае еще за три тысячи лет до появления ее на Западе в трудах Ч. Ломброзо – основателя антропологического направления в криминологии.

³ *Ли* – в конфуцианстве нормы положительного социального поведения, устанавливающие идеалы человеколюбия, гуманности, сыновней почтительности, добросовестности и др.

в качестве крайней меры ведения допроса, но и являлось разрешенной властями и обязательной в ряде случаев стадий уголовного процесса, о которой обязательно нужно было сообщить вышестоящему начальству: «Когда используется пытка, то необходимо об этом подробно записать и отметить в докладе: из-за того, что такой-то повторно изменил свои показания или не смог их объяснить, мы при допросе применили пытку» [2, р. 86]. При этом авторов сочинения не смущает видимое противоречие в их рекомендациях, которые свидетельствуют, с одной стороны, о том, что можно обходиться без них, т. к. уровень доказательств, полученных с применением побоев, низкий; а с другой – о необходимости их применения, если другими способами невозможно было установить истину. Возможно, это связано с тем, что власти циньской империи хотели быть для своего народа не только высокоморальным, но и справедливым правительством, при котором всякое зло не должно было оставаться безнаказанным.

Итак, признание (предпочтительно добровольное) считалось желательным и основным видом доказательств. Однако если его не удавалось получить, то приговор мог быть вынесен на основе совокупности других объективных улик, прежде всего показаний не менее трех свидетелей [3, р. 155]. Это принципиально отличалось от европейского законодательства периодов позднего Средневековья и начала Нового времени, когда признание под пыткой являлось «царицей доказательств», а обвинительный приговор по общему правилу можно было вынести только после получения не просто признания, а именно признания под пыткой, что было закреплено, например, в уголовном и уголовно-процессуальном уложении *Constitutio Criminalis Carolina* (Каролина) 1532 г., где любые доказательства были только поводом для пытки: «Никто не должен быть приговорен к какому-либо наказанию на основании одних только доказательств, улик, признаков истины или подозрений. На сем основании может быть только применен допрос под пыткой» [4, с. 694].

Судебные пытки в уголовных кодексах китайской империи

С проблемой применения пыток при расследовании преступлений столкнулись и последующие династии императорского Китая, уголовные кодексы которых вплоть до последней династии Цин (1644–1912 гг.) практически не отличались друг от друга. Согласно кодексу династии Тан *Тан люй шу и* (Уголовные установления Тан с разъяснениями) 653 г., основной целью закона является поддержание человеческого порядка, согласованного с космическим порядком Неба и Земли, а задача правителя – использовать закон для исправления человеческих

недостатков и восстановления надлежащего баланса между человеком и природой. Поэтому с целью восстановления социальной гармонии в случае совершенного преступления государство обязано было применить наказание, которое точно соответствовало бы тяжести преступления [5, р. 31]. При этом считалось, что установление всех обстоятельств уголовного дела возможно только при наличии признания подсудимого, и не важно, добровольным оно было или получено с применением в суде физического насилия (формально предпочтение отдавалось добровольному признанию).

В ряде законодательных актов этого периода указывается, что судья всегда обязан начинать допрос, используя традиционный метод «пяти наблюдений», который опытному чиновнику должен был указать на то, говорят фигуранты уголовного дела правду или лгут [6, р. 126]. Процедуре устного допроса подвергались не только обвиняемые, но и обвинители со свидетелями. Из-за наличия в Китае большого количества диалектов, а также проживания в государстве не китайских (неханьских) народов в судебном процессе участвовали переводчики, которые привлекались к уголовной ответственности, если их некорректный перевод был причиной неверного приговора⁴. Если уже на этом этапе обвиняемый признавался в инкриминируемом ему преступлении, что, например, при убийстве подтверждалось результатами судебно-медицинской экспертизы, проводимой специально уполномоченными служащими (т. н. *уцзо* – дословно *осмотрщики трупов*) [7, с. 351], то это считалось наиболее желательным завершением судебного разбирательства.

Приговор можно было вынести и в случае отсутствия добровольного признания, если «обстоятельства преступления совершенно ясны и в основательности [обвинений] нельзя сомневаться»⁵. Под обвинениями, которые могли раскрыть все обстоятельства преступления, понимались прежде всего показания свидетелей [6, р. 127], количество которых танский кодекс определяет словом *многие* (*чжун*), что в терминологии кодекса означает «три человека и более»⁶. И только в том случае, если отсутствует необходимое количество свидетелей или их показания не дают полной картины преступления, «и после многократных проверок невозможно прийти к [какому-либо] решению – имеется в виду, что в деле невозможно разобраться и все еще нельзя определить приговор»⁷, разрешалось применять пытку, причем она должна была проводиться в императивном порядке.

Однако танское законодательство определяло несколько категорий лиц, к которым запрещалось применение пыток, что определялось их заслугами перед государством, приближенностью к императорской особе, а также возрастом или физическим состоянием. Наиболее подробно в танском кодексе были охарактеризованы лица,

⁴ Уголовные установления Тан с разъяснениями (*Тан люй шу и*). Цзюани 17–25. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. Ст. 387. С. 364.

⁵ Уголовные установления Тан с разъяснениями (*Тан люй шу и*). Цзюани 26–30. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. Ст. 476. С. 180.

⁶ Уголовные установления Тан с разъяснениями (*Тан люй шу и*). Цзюани 1–8. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. Ст. 55. С. 283.

⁷ Уголовные установления Тан... 2008. Ст. 476. С. 179.

пользующиеся привилегиями восьми суждений (*ба и*), подачи прошений (*цин*), уменьшения наказаний (*цзянь*) и откупа [от наказаний] (*шу*)⁸. Российский китаевед В. М. Рыбаков, которому принадлежит полный перевод на русский язык кодекса *Тан люй шу и*, называет таковыми тех, «чь советы бесценны и изысканны при осуществлении императорского пути» [8, с. 86], а его учитель Е. И. Кычанов, указывая на существование неопределенности при принятии решений относительно того, кто может быть освобожден от пыток, отмечает, что «именно эта неопределенность позволяла императору и высшим властям по собственному усмотрению определять», кто эту привилегию имеет, а кого можно ее лишить [9, с. 79–80].

Не вызывает вопросов перечень лиц, которых нельзя было подвергать пыткам в связи с их возрастом и физическим состоянием. К ним относились те, «кому 70 лет и больше либо 15 лет и меньше, а также те, кто [является инвалидом] *фэйци*», то есть, согласно общеобязательным установлениям, лишенные одной конечности, горбатые, слабоумные, глухонемые и карлики. Никто из них не должен подвергаться допросу под пыткой. Наказание им всегда определяется на основании свидетельских показаний многих⁹. Кроме этого, нельзя было пытать беременных женщин, однако через сто дней после родов это уже не запрещалось [9, с. 109]. В период династии Цин императорским указом 1818 г. запрещалось пытать тех, кого обвиняли в уголовных преступлениях на основе анонимных заявлений, «даже если обвинение было правдиво» [10, р. 401].

Решение судьбы о необходимости назначения пытки обязательно должно было направляться для согласования вышестоящему начальству. Если же пытка была применена без его официального разрешения, то судья подвергался наказанию – 60 ударам тяжелой палкой¹⁰. Правила нанесения ударов во время пытки были с большой тщательностью прописаны в ст. 477 кодекса *Тан люй шу и* и снабжены подробными разъяснениями:

- не допускается использование никаких иных способов пытки, кроме нанесения ударов специальной палкой для допроса арестантов (*сюньцючжан*). Размер этой палки должен быть длиной 109 см, а толщиной около 0,96 см с одного конца и около 0,68 см с другого, причем она должна быть очищена от сучков и других шероховатостей [11, с. 409];

- удары обязательно должны наноситься в равном количестве по спине, ногам и ягодицам подсудимого¹¹ (рис. 1);
- пытка не может проводиться более трех раз, а общее количество ударов не может быть более двухсот;
- между каждой пыткой обязательно должен быть перерыв не менее 20 дней (предоставлялся, по-видимому, не только для того, чтобы подсудимый оправился от полученных повреждений, но и для того, чтобы дать ему время одуматься и побудить признаться до возобновления процедуры пытки);
- количество ударов не может превышать число, предусмотренное в качестве наказания за то преступление, в котором лицо обвиняется;
- пытка должна проводиться только после выздоровления подсудимого, если на его теле видны следы какого-либо заболевания (кожные нарывы, раны и др.) или присутствуют симптомы иной болезни.

Рис. 1. Пытка путем нанесения ударов специальной палкой для допроса арестантов¹²

Fig. 1. Torture by striking with a special stick for interrogating prisoners

За нарушение судьей любого из этих правил предусматривалась ответственность от 50 до 100 палочных ударов, а если в результате этих нарушений во время пытки наступала смерть подсудимого, то наказание было от 1,5 до 2 лет каторжных работ [11, с. 406–408]. Если же пытка была проведена в полном соответствии с законом, но «неожиданно дошло до смерти», то наказание не определяется, однако по 60 ударов тяжелыми палками могли получить

⁸ Подробнее о лицах, которые относились к этим группам привилегий см. [8, с. 82–133].

⁹ Уголовные установления Тан... 2008. Ст. 474. С. 175.

¹⁰ Там же. Ст. 476. С. 179. Для наказания палочными ударами закон предусматривал два вида палок: большая (тяжелая) и малая (легкая), длина которых была около 109 см при толщине большой палки около 0,84 см с одного и около 0,53 см с другого, малой палки – около 0,62 см и 0,47 см соответственно. [11, с. 409].

¹¹ В то же время один из основоположников отечественного китаеведения Н. Я. Бичурин (о. Иакинф) в работе «Китай в гражданском и нравственном состоянии», написанной по 16-томному «Своду законов маньчжурской династии Цин» (Да Цин хэй дян) и опубликованной впервые в 1848 г., отмечает, что поскольку «самые важные внутренние части нашего тела лежат между спиной и грудью, то наказание планками по спине с 627 г. отменено» [12, с. 136]. Можно предположить, что судьи в каждом случае сами принимали решение о том, наносить ли удары по спине, или этого не делать.

¹² Илл. по изд.: Mason G. H., Dudley J. *The punishments of China, illustrated by twenty-two engravings: with explanations in English and French*. London: Printed for William Miller by William Bulmer and Co, 1801, 77.

те чиновники, которые по каким-то причинам не провели обязательное расследование факта смерти человека, наступившей во время проведения процедуры допроса¹³.

В связи с тем, что смерть подсудимого под пыткой была для властей нежелательна, т. к., с одной стороны, не способствовала в полной мере восстановлению необходимой в природе гармонии вследствие совершенного преступления, с другой стороны, могла стать для народа поводом усомниться в справедливости существующего правления, было рекомендовано воздерживаться в некоторых случаях от проведения всех трех этапов проведения пытки. Это было возможно, если расследовались нетяжкие преступления или когда с большинством сомнительных моментов в уголовном деле судьи уже разобрались [6, р. 128–129].

Правила проведения допросов с применением пыток, закрепленные в кодексе *Тан люй шу и*, без существенных изменений применялись всеми последующими китайскими династиями вплоть до падения в 1912 г. императорского Китая, когда гоминьдановским правительством Китайской Республики (1912–1949 гг.) были отменены все телесные наказания и запрещены любые виды пыток в судопроизводстве [13, р. 281].

В то же время нередкими были случаи, когда человек под пыткой не признавался. В соответствии с законодательством необходимо было отпустить подсудимого из-под стражи, сняв с него обвинение или оставив под подозрением, но только после того, как процедура пытки будет проведена также в отношении свидетелей и обвинителя. Это было связано с тем, что судьи до последнего надеялись, что подсудимый все-таки признается, когда будут пытать свидетелей или обвинителя, являющихся его родственниками¹⁴ или домочадцами (они также могли быть подвергнуты этой процедуре, если только не рассматривалось дело об убийстве, крупной краже или нанесении вреда имуществу в результате умышленного затопления или поджога¹⁵).

Если свидетель под пыткой признавался, что приведенные им факты не соответствуют действительности, то его наказывали за дачу ложных показаний¹⁶, а обвинителя, признавшегося под пыткой в клевете, наказывали так же, как должны были наказать того, кого он обвинял. Если обвиняемый или обвинитель трижды выдерживали пытку, их освобождали из-под стражи под поручительство. Судья, который не отпускал освобожденных при наличии поручителей или, наоборот, отпускал при их отсутствии, подвергался наказанию 60 ударами тяжелыми палками¹⁷.

Если же подсудимый признавал свою вину и подтверждал это в протоколе своей подписью¹⁸, у него была возможность избежать наказания, поскольку для утверждения рекомендованного судьей приговора все протоколы судебных заседаний по уголовным делам в обязательном порядке передавались в вышестоящие инстанции, куда могла быть подана жалоба от самого подсудимого, хотя при этом был риск, что он и там мог быть подвергнут пыткам. Однако риск умереть под пытками в вышестоящей инстанции был оправдан, когда перед подсудимым стоял выбор между каторгой или смертной казнью, с одной стороны, и перспективой добиться справедливости, с другой. Чем более тяжелое было наказание, тем более высокой была эта инстанция (от руководителя области до Министерства наказаний), а если приговором определялась смертная казнь, то окончательное решение всегда принимал лично император [14, р. 102–103].

Законодательством предусматривалось, что подсудимый (или его родственники) может озвучить жалобу даже во время пересечения им ворот города при отправке на каторгу, а также на площади, куда его доставляли, чтобы казнить [15, р. 65–66]. Известны случаи, когда чиновники, стараясь избежать такого нежелательного для них поворота событий, затыкали осужденным тряпками рот и уши или могли их полностью ослепить. Для предотвращения в дальнейшем подобных случаев был издан императорский указ, разрешавший родственникам сопровождать осужденных до момента приведения приговора в исполнение [15, р. 74, note 31].

Надежды осужденных на пересмотр их дела и вынесение более мягкого наказания не были эфемерными, что отражают официальные отчеты того времени. Например, в 1085 г., когда 254 человека из более чем двух тысяч приговоренных к смертной казни подали жалобы, в силе оставили только 25 приговоров, а остальным осужденным (т. е. около 90 %) наказания были значительно смягчены [15, р. 69].

О серьезности отношения властей к каждой жалобе свидетельствует произошедший в 1068 г. случай с покушением сельской девушки на убийство своего жениха. Причиной этого преступления стала вынужденная помолвка с нелюбимым человеком, которая была проведена незаконно, т. к. пришлось на период ее траура по матери. После задержания она добровольно призналась в преступлении, однако судья игнорировал это обстоятельство и приговорил ее к смертной казни, несмотря на то, что в случае добровольного признания

¹³ Уголовные установления Тан... 2008. Ст. 477. С. 183–184.

¹⁴ Это мог быть только родственник по восходящей линии до четвертого колена, но не наоборот, поскольку за обвинения младшими старших родственников предусматривалось наказание вплоть до смертной казни. См.: Уголовные установления Тан... 2005. Ст. 345. С. 260.

¹⁵ Уголовные установления Тан... 2008. Ст. 478. С. 185–186.

¹⁶ В связи с этим в качестве свидетелей не привлекали тех, кто не мог быть подвергнут каким-либо наказаниям по причине своего возраста (до 10 или после 80 лет) или являлся рабом или близким родственником подсудимого по нисходящей линии, которым под угрозой серьезного наказания запрещено было доносить на родственников и свидетельствовать против них [10, с. 413].

¹⁷ Уголовные установления Тан... 2008. Ст. 469. С. 161–164.

¹⁸ Надлежащим образом оформленное признание зачитывалось подсудимому вслух и скреплялось либо иероглифами, либо неграмотными людьми крестиком (для мужчин) или кружочком (для женщин) [14, р. 104].

законодательством было предусмотрено смягчение наказания [3, р. 153; 10, р. 231–232]. Однако ее жалоба, поддержанная руководителем префектуры и Верховным Судом, была отклонена, с чем согласилось и Министерство наказаний (*син бу*). Тогда последовало обращение префекта лично к императору, который поручил двум своим крупнейшим сановникам Ван Аньши и Сыма Гуану¹⁹ разобраться в этом деле и высказать свои предложения, однако их мнения разделились. Жалоба «ходила по самым высоким инстанциям» больше года, однако император разделил предложение Ван Аньши и, согласовав свое решение с кабинетом министров, издал указ о смягчении наказания по этому делу на две степени, что спасло жизнь девушке.

Милосердие или закон: дилемма неофициальных «Руководств для судей»

Кроме официальных документов, регламентирующих порядок применения пытки в процессе расследования преступлений, в императорском Китае существовало большое количество так называемых «Руководств для судей»²⁰, т. е. полуофициальных и неофициальных сочинений, написанных как действующими, так и бывшими чиновниками, а также учеными и литераторами. Из этих трудов можно почерпнуть полезный материал о теории и практике использования признания в качестве доказательства по уголовным делам. Большинство таких изданий относится к периоду правления династий Мин и Цин.

Особое место среди публикаций занимают работы в форме «Таблиц заслуг и недостатков» (*гун го ээ*), направленные на распространение общечеловеческих ценностей (как они представлены в конфуцианских и буддийских трактатах) как среди чиновников и тех, кто путем сдачи единых государственных экзаменов собирается ими стать²¹, так и среди других групп китайской элиты. В этих работах предлагалось вести учет своих заслуг (*гун*) и недостатков (*го*), оценивая их по рекомендуемым критериям в баллах. Наиболее популярными были «Сборник записей о заслугах и недостатках» (*Huizuan gongguo ge*) служащего императорской Академии Ханьлинь Чэнь Сигу (1634–1687 гг.), сборник эссе об уголовном судопроизводстве «Определяя собственную судьбу» (*Liming pian*) чиновника минской династии Юань Хуана (1533–1606 гг.) и «Летопись самопознания» (*Zizhi lu*) буддийского монаха Юньци Чжухуна (1535–1615 гг.). В книге последнего содержались две записи, одна из которых каждый удар «избиения невинной жертвы бамбуковой палкой» во время допроса оценивала в один штрафной балл, а другая десятью штрафными баллами определяла незаконные пытки (*фэй фа син*) с использованием несанкционированного орудия или способа его применения [19, р. 21].

Упоминания о пытках в книге Юньци Чжухуна были тесно увязаны с официальными требованиями к правилам применения пыток. Однако если, например, в «Кодексе Великой [династии] Цин» (*Да Цин люй ли*) отмечено лишь применение в отношении тех чиновников, кто использует запрещенные формы пыток, такого же наказания, как за телесные повреждения во время ссоры или драки (в случае смерти подсудимого оно состояло из 100 ударов бамбуковой палкой и трех лет каторги с выплатой 10 серебряных слитков семье умершего [19, р. 21, note 12]), то в сочинении монаха основной акцент сделан на моральные последствия этой незаконной практики посредством обращения автора к буддийским заповедям сострадания ко всему живому: «Поскольку все живые существа [возможно] являются нашими родителями во многих прошлых поколениях, причинять им боль или вред – это значит причинять боль или вред своим отцам и матерям» [19, р. 21].

О необходимости сострадания к людям, которые подвергаются пыткам, но виновность их еще не доказана, упоминается и в тех «Книгах заслуг и недостатков», авторами которых являлись конфуцианские чиновники. Юань Хуан, предлагая воздерживаться от применения пытки независимо от того, законной она была или нет, приводит в сочинении один поучительный пример: «Однажды судья избил заключенного так, что из него хлынула кровь, и все же его гнев никак не утихал. [Мелкий служащий] опустил на колени [перед судьей] и попросил освободить заключенного, ... объясняя: "Власть имущие сбились с Пути, а простые люди долгое время были оторваны от своих корней. Если же Вам и удастся [с помощью пытки] узнать истину, не радуйтесь своим способностям, а сострадайте этим людям"» [19, р. 22–23].

О моральных последствиях пыток пишет Чэнь Сигу, высоко оценивая сострадание и милосердие судей при сопоставлении их заслуг и недостатков, обращая при этом внимание на сложную дилемму, постоянно возникающую перед судьей, когда ему надо выбирать между двумя мандатами (*яо*), данными императорской властью. Один из этих мандатов наделяет его состраданием и снисхождением, а второй обязывает честно и справедливо делать то, что требуется от него для привлечения виновных к ответственности, восстановления в обществе гармонии. Решение этой дилеммы Чэнь Сигу видит в том, чтобы воздерживаться от пыток, но не сомневаться в их назначении и не бояться применять, если они целесообразны с юридической точки зрения и проводятся в точном соответствии с установленными законом правилами: «При рассмотрении дел достойно проявлять сострадание, но не нарушать закон в погоне за помилованием. При применении пыток снисходительность и доброжелательность

¹⁹ Ван Аньши (1021–1086 гг.) – выдающийся государственный деятель Китая, которого несколько раз назначали на пост первого министра. Сыма Гуан (1019–1086 гг.) – знаменитый историк, философ и государственный деятель, достигший поста первого министра, один из авторов крупнейшей китайской исторической хроники *Цзы чжи тун цзянь* (Всеобщее зеркало, управлению помогающее) 1084 г.

²⁰ Подробнее об этих сборниках см. [16].

²¹ Подробнее о системе единых государственных экзаменов (*кэцзюй*) см. [17; 18].

являются добродетелями, но вы не можете проводить качественное расследование, не вникая в факты или не принимая надлежащих мер во имя снисхождения» [19, р. 23].

Большой популярностью среди чиновников пользовались комментарии к реальным или вымышленным уголовным делам, в которых много внимания уделялось порядку и правилам проведения пыток. Наиболее известными среди них были сборники комментариев уголовных дел «Волшебное зеркало по [судебному] расследованию» (*Чжэ юй гуй цзянь*) сунского литератора Чжэн Кэ и «Опыт практического [государственного] управления» (*Ши чэнь лу*) минского автора Люй Куя. Работы отличаются друг от друга тем, что в первой основной акцент делается на моральную сторону поведения чиновников при назначении и проведении процедуры пытки, а в другой даются практические рекомендации о том, как быстрее добиться признания обвиняемого. Относительно принципов оценки доказательств мнения авторов этих «Руководств для судей» совпадают. Признание обвиняемого является для них лишь формальным условием вынесения приговора, который может быть справедливым только с учетом совокупности множества других доказательств: показаний свидетелей, осмотра места происшествия, результатов судебно-медицинской экспертизы и др. [20, р. 39–40].

В то же время авторы вышеперечисленных сочинений, констатируя появление новых разрешенных способов пыток²² помимо тех, что издавна были разрешены в стране, и понимая, что они не в силах запретить их, предлагают сделать их как можно более щадящими и придерживаться следующих основных правил: 1) проводить пытки только в случае совершения тяжких преступлений; 2) назначать пытку, когда подсудимый уже фактически изобличен другими доказательствами, прежде всего показаниями свидетелей, однако отказывается признавать свою вину; 3) использовать только древний способ проведения пытки путем избивания специальными бамбуковыми или деревянными палками официально установленного веса и размера; 4) не превышать максимально разрешенное количество ударов этими палками; 5) широко используемые пытки сжатием деревянными брусками щиколоток и пальцев рук проводить не более двух часов; 6) не назначать пытку одному человеку более одного раза, несмотря на официальное разрешение проводить ее три раза; 7) полностью исключить из своей практики стягивание головы специальными обручами [21, р. 44]. Авторы комментариев пытаются убедить читателей в том, что признание под пыткой является таким же ненадежным доказательством, как и отсутствие его, поэтому полагаются на пытку как на объективный следственный метод – «больше похоже на отсутствие метода вообще» [20, р. 40, note 50].

По мнению автора «Волшебного зеркала по [судебному] расследованию», чтобы получить признание без применения пытки, можно прибегать к различным уловкам и хитростям,

однако для всех окружающих действия судьи должны точно соответствовать древним правилам «пяти наблюдений». В качестве примера для подражания он приводит несколько случаев из практики работы чиновников династии Тан. В одном случае инспектор Ли Цинлюе при рассмотрении уголовного дела о смерти жены высокопоставленного военного выразил сомнение в объективности решения судьи о самоубийстве, а после допроса мужа умершей вынес ему смертный приговор, обосновывая свое решение наблюдением за его реакцией на задаваемые вопросы. На самом деле инспектор заранее опросил свидетелей, выяснив факт получения судьей взятки, результатом чего и явилось его решение об имевшем место суициде, которое было опровергнуто объективной судебно-медицинской экспертизой, показавшей отсутствие ран, характерных для самоубийства [20, р. 42]. В другом случае судья Чжан Юньцзи, расследуя «по горящим следам» дело о краже лука у пожилой женщины, после отдельных бесед с каждым из ее соседей точно указал на преступника, добровольно признавшего факт кражи, также объясняя это использованием метода «пяти наблюдений», хотя основной уликой был запах лука от рук подозреваемого [20, р. 44].

Традиция применения описанных методов расследования идет еще с глубокой древности. В одном из сборников судебных случаев «Параллельные дела из-под грушевого дерева» (*Тан инь би ши*) XIII в. приводится рассказ о том, как судья Ли Хуэй, живший в период династии Северная Вэй (386–534 гг.), расследовал конфликт между перевозчиком соли и перевозчиком древесины из-за шкуры ягненка. Каждый из обратившихся в суд утверждал, что именно он уже давно является собственником этой шкуры и постоянно носит ее на спине, когда грузит свой товар. Ко всеобщему удивлению судья приказал допросить под пытками не спорящих, а шкуру ягненка. Когда шкуру положили на землю и стали бить палками, то выступившая на ней соль показала настоящего владельца, и перевозчик дерева признался в клевете [10, р. 145].

Использование специфических методов получения признания одобрялось и официальными документами, касающимися порядка проведения судебных расследований. Например, в трактате по судебно-медицинской экспертизе «Руководство по снятию несправедливостей» (*Си юань лу*), написанном в 1247 г. провинциальным служащим Сун Цы (*Сун Хуэйфу*) и официально рекомендованном властями для практического применения в деятельности судов, приводится пример того, как судья для ускорения процедуры проведения экспертизы орудия преступления, которым, как он установил, было совершено убийство, приказал всем жителям села принести свои серпы и положить перед собой. Внимательно посмотрев в лицо каждого из хозяев орудий, он безошибочно указал на преступника, который сначала отрицал свою вину, но после того, как судья

²² Такими способами проведения пыток было использование специальных деревянных тисков двух видов, которыми сдавливали лодыжки или пальцы рук допрашиваемых лиц с целью получения признания (рис. 2).

«указал на скопление мух, прилетевших на запах крови и выбравших именно его серп среди семидесяти других, убийца признался» [22, р. 77]. Проведенная затем судебно-медицинская экспертиза определила наличие следов крови именно на этом серпе, подтвердив как предположение судьи, так и признательные показания подозреваемого.

Авторы полуофициальных и неофициальных сочинений, регламентирующих порядок применения в уголовном процессе пыток, не могут вырваться из круга противоречий, в который они сами себя поставили, призывая, с одной стороны, следовать принципам гуманности и избегать применения пыток, а с другой – на пути к идеалу эффективности судопроизводства добиваться обязательного для вынесения приговора признания, допуская даже незаконные формы пыток.

Рис. 2. Пытка путем сдавливания лодыжек специальными деревянными тисками²³

Fig. 2. Torture by squeezing the ankles with special wooden vises

Законодательство Китайской Народной Республики о запрете применения пыток

Первый Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики (КНР), принятый в 1979 г., т. е. есть через 30 лет после образования государства, содержал норму, которая устанавливала, что «применение пыток или вымогательств для получения признания, а также и использование угроз, обмана или других незаконных средств для сбора доказательств строго запрещено» [23, р. 45]. Такой же запрет устанавливался в ст. 136 Уголовного кодекса КНР, вступившего в силу в 1980 г.: «Любой государственный служащий, который вымогает признание у преступника с помощью пыток, должен быть приговорен к тюремному заключению на срок до трех лет... Если в результате телесных воздействий жертва получает травму или инвалидность, то он должен быть приговорен к более суровому наказанию в соответствии с положением о преступном нападении» [24, р. 308].

Тем не менее отсюда напрямую не следовало, что доказательства, полученные незаконными методами, не должны приниматься судами. Поэтому Верховный народный суд КНР в 1988 г. и Верховная народная прокуратура КНР в 1999 г. выпустили судебные толкования, по которым все признания или показания свидетелей, полученные с помощью пыток, угроз, побуждения или обмана, не должны использоваться для осуждения подсудимых. В этих же документах давалось определение пытки – «телесные наказания или замаскированные телесные наказания», а также «другие незаконные средства, ... которые приводят к сильной физической или психической боли или страданиям и вынуждают подсудимого сознаться» [24, р. 312]. Однако исследователями не было выявлено ни одного случая исключения в этот период судами незаконных доказательств из материалов уголовных дел. Лишь в процессе дальнейших реформ правовой и политической системы китайского общества, после внесения в Уголовно-процессуальный кодекс в 2012 г. ряда поправок в действующей сейчас редакции УПК помимо ст. 54, запрещающей «выбивать» показания из подозреваемых и обвиняемых в уголовном преступлении лиц [25, с. 318], появилось несколько положений, которые ввели определенные механизмы борьбы с пытками: 1) чтобы компенсировать отсутствие в китайском законодательстве права граждан на молчание во время следственных действий, устанавливалась обязательная аудио и / или видеозапись допроса лиц, подозреваемых в совершении тяжких уголовных преступлений; 2) поскольку большинство инцидентов с применением незаконного насилия совершается в полицейском участке, закон обязал незамедлительно переводить задержанных лиц в специальные центры содержания под стражей [23, р. 47].

Заключение

Анализ законодательства императорского Китая, а также других документов, содержащих информацию о применении в судах пыток при расследовании уголовных дел, позволяет сделать следующие выводы:

- 1) признание подсудимого являлось обязательным условием для вынесения обвинительного приговора, при этом предпочтение всегда отдавалось признанию добровольному;
- 2) пытки как средство получения признания хотя и допускались, но всегда считались вынужденной мерой, применяемой при отсутствии признания добровольного, и были нежелательными как с точки зрения закона, так и с позиции конфуцианских представлений о гуманности и великодушии;
- 3) применение пыток допускалось только в тех случаях, когда различные улики (показания свидетелей, осмотр места происшествия, судебно-медицинская экспертиза и др.) уже достаточно убедительно доказывали виновность подсудимого, но он все равно добровольно не признавал свою вину;

²³ Илл. по изд.: Mason G. H., Dudley J. *The punishments of China, illustrated by twenty-two engravings: with explanations in English and French ...*

- 4) пытка в суде могла быть применена только с разрешения вышестоящего начальства, а любые отступления от правил ее проведения влекли для судьи серьезную уголовную ответственность;
- 5) большим авторитетом как среди простого населения, так и среди большей части своих коллег пользовались те судьи, которые редко прибегали к пыткам, поскольку все понимали, что под пыткой человек мог признаться в чем угодно, лишь бы прекратились его мучения;
- 6) в отношении достаточно большого круга лиц законодательством предусматривались запреты на применение любых видов пытки.

Таким образом, институт применения судебной пытки в императорском Китае имеет принципиальное отличие

от европейского средневекового законодательства, в котором признание под пыткой считалось «царицей доказательств», т. е. обвинительный приговор, как правило, можно было вынести только после получения такого признания. В связи с этим судебный процесс в Поднебесной империи хотя и имеет некоторые схожие черты с процессом инквизиционным, таковым, по нашему мнению, не является.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Sanft C. Notes on penal ritual and subjective truth under the Qin. *Asia Major*, 2008, 21(2): 35–57.
2. Zhang Z. *Civil laws and civil justice in early China*. Dr. Philos. in Hist. Sci. Diss. Berkeley, 2010, 161.
3. Johnson W. Group criminal liability in the T'ang Code. *State and law in East Asia: Festschrift Karl Büniger*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1981, 145–158.
4. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Т. 1: Древний мир и Средние века, сост. О. Л. Лысенко, Е. Н. Трикоз; отв. ред. Н. А. Крашенинникова. М.: Норма; ИНФРА-М, 2022. 816 с. [*Chrestomathy on the history of state and law of foreign countries. Vol. 1: The Ancient World and the Middle Ages*, comps. Lysenko O. L., Trikoz E. N., ed. Krashennnikova N. A. Moscow: Norma; INFRA-M, 2022, 816. (In Russ.)]
5. Ren X. *Tradition of the law and law of the tradition: law, state, and social control in China*. Westport-London: Praeger (Greenwood Press), 1997, 198.
6. Johnson W., Twitchett D. C. Criminal procedure in T'ang China. *Asia Major*, 1993, 6(2): 113–146.
7. Даньшин А. В. Судебно-медицинская экспертиза в традиционном Китае: правовое регулирование и практика. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2021. Т. 5. № 4. С. 348–357. [Danshin A. V. Forensic medical expertise in traditional China: legal regulation and practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, 5(4): 348–357. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-4-348-357>
8. Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Ч. 2: Правовое саморегулирование. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. Т. 1. 496 с. [Rybakov V. M. *The T'ang bureaucracy. Pt. 2: Legal self-regulation*. St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2013, vol 1, 496. (In Russ.)] EDN: VOOSIT
9. Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М.: Наука, 1986. 264 с. [Kuchanov E. I. *Fundamentals of Medieval Chinese Law (VII–XIII centuries)*. Moscow: Nauka, 1986, 264. (In Russ.)]
10. Bodde D., Morris C. *Law in Imperial China: exemplified by 190 Ch'ing Dynasty cases (translated from the Hsing-an hui-lan), with historical, social, and juridical commentaries*. Cambridge: Harvard University Press, 1967, 615. <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674733213>
11. Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Ч. 3: Военные и судебские. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. 496 с. [Rybakov V. M. *The T'ang bureaucracy. Pt. 3: Men of the robe and men of the sword*. St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2021, 496. (In Russ.)]
12. Бичурин Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный Дом, 2002. 432 с. [Bichurin N. Ya. *China in a civil and moral state*. Moscow: Vostochnyi Dom, 2002, 432. (In Russ.)]
13. Wu W., Vander Beken T. The evolution of criminal interrogation rules in China. *International Journal of Law Crime and Justice*, 2012, 40(4): 271–295. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcrj.2011.09.007>
14. Karasawa Y. From oral testimony to written records in Qing legal cases. *Thinking with cases: specialist knowledge in Chinese cultural history*, eds. Furth C., Zeitlin J. T., Hsiung P.-C. Honolulu: University of Hawaii Press, 2007, 101–122. <https://doi.org/10.1515/9780824865184-006>
15. Miyazaki I. The Administration of justice during the Sung dynasty. *Essays on China's legal tradition*, eds. Cohen J. A., Edwards R. R., Chen F. C. Princeton: Princeton University Press, 1980, 56–75. <https://doi.org/10.1515/9781400885831-003>
16. Даньшин А. В. «Руководства для судей» в императорском Китае: поиск компромисса между теорией и практикой судебного процесса. *Теория и практика общественного развития*. 2019. № 9. С. 54–59. [Danshin A. V. "Guidelines for

- judges" in imperial China: finding a compromise between theory and practice of legal proceedings. *Theory and Practice of Social Development*, 2019, (9): 54–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/tipor.2019.9.9>
17. Даньшин А. В. Единый государственный экзамен в системе отбора на государственную гражданскую службу в традиционном Китае. *Право и образование*. 2012. № 10. С. 113–125. [Danshin A. V. A unified state examination within a recruiting system for state service in traditional China. *Pravo i obrazovanie*, 2012, (10): 113–125. (In Russ.)] EDN: PCTZIP
 18. Даньшин А. В. Государственные экзамены в системе кадровой политики традиционного Китая. *Образование и общество*. 2012. № 5. С. 101–106. [Danshin A. V. State examinations in the personnel policy system of traditional China. *Obrazovanie i obshchestvo*, 2012, (5): 101–106. (In Russ.)] EDN: OHRIGV
 19. Park N. Unofficial perspectives on torture in Ming and Qing China. *Late Imperial China*, 2016, 37(1): 17–54. <https://doi.org/10.1353/late.2016.0006>
 20. Hawes C. Reinterpreting law in the Song: Zheng Ke's commentary to the "Magic Mirror for Deciding Cases". *Journal of Asian Legal History*, 2001, 1: 23–68.
 21. Delporte D. Handbooks and local jurisdiction in Ming China. According to the sections on judicial matters in the "Shihcheng lu" by Lü K'un, a handbook for magistrates. *Crime, Histoire & Sociétés*, 2002, 6(2): 29–49. <https://doi.org/10.4000/chs.412>
 22. Giles H. A. The "Hsi Yuan Lu" or "Instructions to Coroners". *Proceedings of the Royal Society of Medicine*, 1924, 17(Sect Hist Med): 59–107.
 23. Guo Z. Torture and exclusion of evidence in China. *China Perspectives*, 2019, (1): 45–53. <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.8742>
 24. Zuo W., Lan R. Exclusionary rule of illegal evidence in China: observation from historical and empirical perspectives. Do exclusionary rules ensure a fair trial? *A comparative perspective on law and justice*, eds. Gless S., Richrer T. Cham: Springer, 2019, vol. 74, 307–328. https://doi.org/10.1007/978-3-030-12520-2_10
 25. Трошинский П. В. Правовая система Китая. М.: ИДВ РАН, 2016. 472 с. [Troshchinskiy P. V. *Legal system of China*. Moscow: IFES RAS, 2016, 472. (In Russ.)] EDN: IHILTL